

Нейта Соул

Мир для сорок
пятого Тенгрия

Нэйта Соул

Мир для сорок пятого Тенгрия

«Автор»

2026

Соул Н.

Мир для сорок пятого Тенгрия / Н. Соул — «Автор», 2026

Когда само небо восстает против твоей любви, единственный способ выжить — создать собственный мир. Он был Тэнгрием — холодным, бессмертным владыкой небес, чье сердце не знало ни боли, ни тепла. Она — смертной, привыкшей выживать в мире, где само дыхание стоит жизни. Между ними не должно было быть ничего, кроме пропасти. Их любовь — вызов законам Вселенной, а Небеса не прощают предательства. Сможет ли любовь смертной женщины и бога выстоять, когда дети, которых они ждут, обладают силой разрушать горы? Это история о страсти, разрушающей миры, о мужестве матери и о боге, который научился быть человеком ради той единственной, чей шепот для него громче, чем рев небесной грозы.

© Соул Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Пыль и кровь	6
Глава 2. Лагерь	10
Глава 3 Живая влага и мертвая земля	13
Глава 4. Песня чистой воды	16
Глава 5 Зубы в перьях	18
Глава 6. Мутации	20
Глава 7. Пробуждение камня	22
Глава 8. Синее пламя и мертвый горизонт	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мир для сорок пятого Тенгрия

Пролог

В чертогах Вечного Синего Неба не было места аномалиям. Идеальное равновесие держалось на сорока четырех столпах — сорока четырех божествах-тенгриях. Так было от начала времен.

Но был Сорок пятый тенгрий, который рассматривался Божественным Пантеоном как причина свалившихся на мир проблем. Поэтому услышанное на собрании никого не удивило.

— А этого голубоглазого выродка в Пустошь сбросьте. Нам сорок пятый не нужен, — Ханхур окинул брезгливым взглядом распластанного на холодных каменных плитах тенгрия.

Золотистые волосы мужчины разметались по полу, а слишком яркие для небожителя глаза были наполнены болью.

— И никакой помощи! Проследите! — эхом отозвался голос другого старшего тенгрия. — Он сам сдохнет от любви к своей смертной девке в Пустоши.

— Дорогие мои, вы слишком щедры. Умереть быстро — славный подарок. Но я бы оставила шанс ему вернуться на Пантеон, — лениво промурчала Богиня плодородия Умай.

— А что... Я бы предложил следующее... — Ханхур с ехидной улыбкой наклонился к кругу заседающих небожителей.

Последнее, что почувствовал исполосованный звездной плетью белокурый небожитель, острая, пожирающая разум боль в области груди. Словно невидимая рука вырвала из него искру божественности, оставляя зияющую пустоту. И память. Память сыпалась, как песок сквозь пальцы.

Он падал целую вечность, пока не очнулся на жестком, колком снегу. День клонился ко сну. Ветер, лишенный даже намека на свежесть, налетал сухими злыми порывами, бросая в лицо колючую пыль. По синему небу пластались рваные облака, таская по растрескавшейся, высохшей земле такие же рваные тени.

Мужчина с трудом разлепил запекшиеся губы. В горле стояла удушливая сухость.

— А небо с земли прекрасно... — едва слышно прошептал он.

Бездонная синева действовала на изгнанного бога успокаивающе. Вечное Синее Небо, к которому он еще недавно принадлежал, было вызывающе недоступно. Он попытался приподняться на локтях, чтобы оглядеться, но тело отозвалось такой невыносимой болью, что мир перед глазами померк, и он снова провалился в спасительную темноту.

Глава 1. Пыль и кровь

Желтые глаза в темноте мертвого леса моргнули и начали сужаться в кольцо. Изгнанный небожитель стоял на коленях посреди почерневшего снега. Его новое, свежевылепленное из кровавого месива человеческое тело тряслось от холода. Ветер пустошей резал человеческую кожу, как битое стекло. В Верхнем мире он не знал температуры. Теперь же каждый вдох обжигал легкие, а во рту стоял тошнотворный вкус пепла и собственной крови.

Тварь прыгнула без предупреждения. Мерзлая земля чавкнула под ее когтями. Это был падальщик Эрлика — тощая, покрытая струпами гиена-переросток с обнаженными ребрами и пастью, полной гнилых клыков.

Инстинкты сработали быстрее человеческих рефлексов. Тенгрий, который привык повелевать бурями, автоматически вскинул руку, что бы отпустить карающую молнию, но вместо разряда Синего Пламени из его ладони вырвался лишь жалкий сноп бледных искр.

Тварь врезалась в него всей массой. Тенгрия отшвырнуло на камни. Боль ослепительная, оглушающая, незнакомая богам физическая боль прострелила спину. Когти падальщика вспороли плечо, горячая слюна закапала на лицо.

— Я смертный, — осознал изгнанный бог, вцепившись голыми руками в склизкую шерсть на шее твари, из последних сил сдерживая клацающие у самого горла челюсти. — Я просто кусок мяса.

Он нащупал в снегу тяжелый камень и с хриплым рыком всадил его прямо в висок падальщика. Тварь завизжала, заливая его черной, как деготь, кровью, но хватку не ослабила. Человеческое тело начало сдавать. Из чащи метнулись еще две тени.

И тут ночную тишину разорвал короткий, поющий звон тетивы.

— Вжик.

Оперенная стрела с хрустом вошла в шею второй твари, пригвоздив ее к стволу мертвого дерева. Третья гиена резко затормозила, и в этот момент из темноты вылетел тяжелый топор, с хлопаньем разрубивший ей хребет. Тварь, давившая мужчину, обмякла. Чей-то сапог уперся в тушу и сбросил ее с его груди.

Тенгрий лежал, судорожно глотая морозный воздух. Вспыхнул свет факелов, выхватывая из тьмы высокие силуэты людей в звериных шкурах. И тут же раздался сдавленный, полный ужаса вздох.

— Великое Небо... Герес, смотри! — скрипучий старческий голос дрогнул. — Этого не может быть.

— Назад! Все назад! — прогудел грубый бас. — Немес, это морок Эрлика! Ловушка!

— Он истекает кровью, отец. Мороки не кровоточат.

Этот третий голос прошел по воспаленным нервам бывшего небожителя сладкой судорогой. Он прозвучал чисто и звонко, словно серебряный колокольчик в стылom воздухе. К нему шагнула стройная фигура. Пламя факела осветило ее лицо, сердце изгнанного бога остановилось, а затем зашло в безумном ритме. Это была она. Девушка, ради которой он сжег свою вечность.

Она была совсем юной, гибкой и стремительной. Из-под мехового капюшона выбилась прядь темных волос, на разрумившихся от мороза щеках играла жизнь. Большие карие глаза смотрели на него со смесью шока и жалости. На фоне мертвого, сожженного мира она казалась чудом. Пронзительно красивой. Живой.

Девушка опустила свой легкий лук и присела рядом с ним на корточки, не обращая внимания на предостерегающие крики позади.

— Ты... ты живой? — тихо, словно боясь, что видение растает, спросила она.

— Кажется... да, — хрипло выдохнул свергнувший бог, не в силах оторвать от нее глаз.

Из-за спины девушки шагнул огромный, седой воин со шрамом через всё лицо — Герес. Он наставил на лежащего на земле небожителя окровавленный топор. Руки мужчины, не раз рубившие монстров, сейчас едва заметно дрожали.

— Кто ты такой? — глухо, с угрозой спросил Герес. — Отвечай! После Великого взрыва не выжил никто! За грядой только пепел! Кто ты, как выжил?!

Нотан сглотнул вязкую слюну. Его гениальный ум небожителя, мгновенно выстроил картину мира смертных. Они считают себя последними. Его появление для них — не просто сюрприз, это — крушение их реальности.

— Я... не помню, — прохрипел Нотан, блестяще играя изнеможение. Это было нетрудно — тело действительно вопило от боли.

— Я очнулся в воронках. Кругом был только пепел. Я шел... пока не наткнулся на этих тварей.

— Он лжет! — завизжал старик Немес, прячась за спины воинов. — Он демон из Нижнего мира! Взрыв уничтожил всех! Убей его, Герес, пока он не принес в лагерь проклятие!

Топор вожака взмыл над головой. Тенгрий напрягся. Выжить после падения с Небес, чтобы быть зарубленным перепуганным смертным?

Но между ним и лезвием вдруг встала Девушка. Ее движения были плавными, но полными абсолютной решимости.

— Нет! — она мягко, но твердо перехватила руку отца. — Посмотри на него, отец. Демоны не замерзают насмерть в снегу. И у них не идет красная кровь.

— Ашада, это слишком опасно... — прорычал Герес.

Небожитель мгновенно ухватил имя девушки в память.

— Он человек! — горячо возразила Ашада, и в ее глазах блеснули слезы гнева. — Если Небо явило нам чудо, если кто-то еще смог пережить Взрыв... мы не имеем права его убивать! Мы не монстры!

Она обернулась и посмотрела на истекающего кровью мужчину. На секунду их взгляды встретились. Тенгрий почувствовал, как между ними до звона натянулась тонкая нить.

Ашада не знала его, но ее доброе, смелое сердце безошибочно встало на его защиту. В этом мертвом мире для него она была единственным источником света. Девушка наклонилась к нему и протянула руку, затянутую в тонкую кожу.

— Вставай, — мягко сказала она. В ее глазах плясали теплые отблески огня.

Он посмотрел на ее изящную ладонь. Боги не берут подачек от смертных. Но он больше не был богом. Ухватился за руку. Пальцы девушки оказались теплыми и на удивление сильными. С трудом поднялся, не сдержав стон.

— Как тебя зовут? — спросила она, заглядывая ему в лицо с искренним участием.

— Нотан, — назвал он первое попавшее имя.

Ее губы тронула легкая, ободряющая улыбка, от которой у него перехватило дыхание.

— Я Ашада. Пойдем с нами, Нотан. Раз уж ты выжил, то мы не дадим тебе замерзнуть в этом лесу.

— Зачем ты тащишь его? — сердито пробормотал Герес, едва сдерживая желание сорваться на крик. — У нас нет продовольствия! Мышей сушеных жрём вприкуску с багульником!

— Отец, ты же сам говорил, что мужчины нынче на вес золота! А этот, посмотри, какой ладный, — пролепетала Ашада.

Она нервно откинула со лба золотистую челку, пытаясь заглянуть отцу в глаза.

— Да он скоро к Тугэнэ на Радугу пойдет! Тоже мне, улов, — съязвил Герес, скрестив на груди жилистые руки.

Он отвернулся, чтобы дочь не увидела его лица. На самом деле, Гересу не терпелось познакомиться с чужаком. На всё их крошечное поселение выживших здесь, в истерзанной

Сибири, приходилось всего пятеро мужиков. Вместе с женщинами они изо всех сил поддерживали хрупкую жизнедеятельность лагеря. После Великого водяного взрыва они не встречали других людей уже несколько лет. Ни одного.

Вопросов к найденному блондину у вожака лагеря накопилось с избытком. Откуда он взялся? Есть ли еще выжившие там, за пустошами? Встречал ли он источники чистой воды? Как вообще сумел выжить один? И, самое главное, — кто оставил на его груди эту жуткую, сожженную рану?

Герес мерил шагами пыльный двор, и непрошенные воспоминания снова лезли в голову.

Их лагерь сложился стихийно. По ночам Гересу до сих пор снился один и тот же кошмар: он вместе с другими ошалевшими от ужаса людьми лазит по раздувшимся трупам, ищет живых среди искореженных взрывом изб, заглядывает в черные, дымящиеся провалы земли.

Он никогда не забудет, как пытался спасти ребятишек, заживо сварившихся в плотном газовом облаке. Оно поднялось сразу после того, как вскипело и взорвалось огромное озеро. Многих погибших узнать было практически невозможно. Собирали куски плоти, опознавали по вплавившимся ленточкам в косах, по чудом сохранившимся лоскутам одежды.

Контуженные, глухие от грохота, раненные и обожженные люди расползались по остаткам тайги, которую разметало по окрестностям, как обрывки дешевой бумаги. И только спустя несколько дней выжившие начали появляться в самых неожиданных местах. Кого-то находили в подпольях уцелевших заимок. Кто-то сам выходил навстречу их растущему отряду из-за сохранившихся сосновых грив.

Герес помнил, как молился всем известным и забытым богам, как выл от отчаяния, разгребая завалы, пока на перешейке соснового леса возле родной деревни не нашел свою Ашаду. Переломанную, как осенний стебель, в синяках и крови, но живую!

А еще в памяти навсегда отпечатались книга, найденная им на одном из пепелищ. Толстый фолиант в кожаном переплете казался абсолютно целым, не тронутым огнем, но стоило Гересу протянуть руку, как страницы рассыпались в серый тлен при первом же прикосновении. Словно сам мир отказывался хранить знания прошлого.

Место для разбивки лагеря определилось само собой. Поплутав по остаткам леса и окончательно убедившись, что воды больше нигде нет, поникшие, измученные люди вповалку падали на лесной опушке.

При беглом осмотре мужчины решили, что место крепкое. Рядом сохранились островки молодых сосенок, чудом не затронутых смертельным жаром взрыва, а в подлеске угадывались звериные тропы.

Уже позже, когда лагерь оброс подобием быта, Герес осознал странную закономерность: практически все выжившие были женщинами. И все они оказались по-своему уникальны. Теперь его окружали ведуньи, травницы, гадалки. Была даже одна настоящая шаманка. Напрашивался пугающий вывод — Небесные врата не просто так оставили их на выжженной земле.

Тогда было совершенно непонятно, как уцелел он сам. Никаких чудесных способностей сорокасемилетний Герес в себе отродясь не замечал. Разве что раньше мог выпить небывалое количество алкоголя, не пьянея, но те времена давно канули в Лету. То же самое он мог сказать и об остальных мужчинах лагеря.

Немес в прошлом был простым охотником, Чекур — пастухом, Дав тянул сети на реке, а Ладой до взрыва слыл знатным мастером по пошиву одежды. Мужская часть населения была разношерстной, приземленной и ничем не примечательной.

Скрипнула дверь. На крыльцо вышла Шюса. Высокая, полноватая, большегрудая. Она неизменно выделялась на фоне остальных женщин. Её необычный, чуть раскосый разрез зеленых глаз, острый, как бритва, язык и подавляющая всех вокруг уверенность в себе делали её заметной на любом собрании. В качестве спутника она выбрала Гереса. Причем совершенно спокойно, перед всем лагерем, объявила ему об этом пять лет назад.

Герес до сих пор помнил, как у него перехватило дыхание от неожиданности, когда он услышал её безапелляционное решение.

Глава 2. Лагерь

Путь до лагеря слился для Нотана в один бесконечный, пульсирующий сгусток боли. Если бы не хрупкое, но упрямое плечо Ашады, поддерживающее его под руку, он бы рухнул в снег уже через сотню шагов. От девушки пахло хвоей и чем-то неуловимо теплым, живым. Этот запах был единственным маяком в океане ледяного мрака.

Когда деревья расступились, Нотан ожидал увидеть жалкие шалаши жмущихся к огню оборванцев. Но то, что предстало его глазам, заставило бывшего бога удивленно приоткрыть пересохшие губы.

Лагерь Гереса был крепостью. И защищали ее не только массивные бревна частокола. Всё поселение накрывал едва заметный, мерцающий багровым светом купол. На каждом бревне ограды пульсировали вырезанные руны, налитые густой, светящейся субстанцией. Тьма и туман Эрлика бились об этот барьер, как волны о скалу, оставляя на невидимом щите шипящие ожоги.

Герес поднял руку, призывая к тишине. Перед лагерем стояла статная женщина - колдунья. Она не была похожа на дряхлую старуху из сказок. Высокая, с гривой иссиня-черных волос, разметавшихся по плечам. На ней были легкие одежды, не сковывающие движений, а руки по локоть покрывала замысловатая татуировка, которая сейчас светилась раскаленным золотом.

Шюса творила волшебство. Это не было изящным искусством Небес. Это была грубая, первобытная, кровавая магия земли. Колдунья тяжело выдохнула, опуская руки. Золотое свечение ее татуировок медленно угасло.

— Ворота! — крикнула она, не оборачиваясь. Голос у нее был глубокий, властный, пробирающий до костей. — Впускайте их. Купол слабеет.

Тяжелые створки со скрипом разошлись. Отряд втянулся внутрь. Ашада бережно усадила едва стоящего на ногах Нотана на деревянные ящики у стены и с тревогой посмотрела на его кровоточащее плечо.

Шюса развернулась к прибывшим. Ее зеленые глаза с тревогой остановились на вожаке.

— Вы принесли запах чужой крови, Герес, — произнесла она, и ее ноздри хищно раздулись. — Кто это с вами?

— Выживший, — угрюмо ответил Герес, вонзая топор в плаху. — Нашли его у Мертвой пади. Отбивался от падальщиков.

Черные глаза колдуньи расширились. Лицо исказила маска ледяного недоверия. Она медленным, кошачьим шагом направилась к Нотану. Толпа воинов расступалась перед ней, как вода перед носом корабля.

— Выживший? — прошипела Шюса. — За Пепельной грядой нет жизни. Великий взрыв выжег всё. Там только стекло, прах и слуги Нижнего мира. Кого вы притащили в наш лагерь, Герес?

— Он человек, Шюса! — Ашада смело шагнула вперед, загораживая Нотана. — У него идет кровь. Он замерзал.

— Отойди, девочка, — Шюса спокойно отодвинула Ашаду в сторону. Ее взгляд вонзился в Нотана, словно два обсидиановых кинжала.

— Твари Эрлика умеют носить чужую кожу. Я сама проверю, что скрывается за этими глазами.

Нотан напрягся. Если земная колдунья попытается влезть в его разум, она не найдет там воспоминаний простого смертного. Она найдет там бездну.

Ее тонкие пальцы с острыми, выкрашенными черным соком ногтями легли на виски Нотана.

— Смотри на меня, — приказала она.

Колдунья пустила свою магию в его тело. Это было похоже на то, как ледяная вода заполняет сосуд. Она искала скверну. Искала ложь.

Шюса внезапно побледнела. Ее спина выгнулась дугой, моментально потемневшие глаза расширились. Она сдавленно вскрикнула и отшатнулась от Нотана, словно коснулась раскаленного железа. Женщина налетела на стеллаж с травами, с грохотом обрушив его на земляной пол.

Герес мгновенно выхватил топор, Ашада бросилась к Нотану, закрывая его собой.

— Шюса! — прорычал отец Ашады. — Что это?!

Колдунья тяжело дышала, опираясь руками о пол. Ее пальцы дрожали. Она подняла на Нотана взгляд, в котором больше не было надменности. Только глубокий, мистический страх. Она заглянула в его суть и вместо человеческой души увидела свернувшуюся кольцами бескрайнюю сапфировую бурю. Бездну, способную испепелить этот мир.

Женщина судорожно сглотнула. Она была сильной колдуньей, достаточно сильной, чтобы понять: то, что сидит перед ней в обличье израненного бродяги, не подвластно ни Гересу, ни ей, ни Эрлику.

— Он... он чист, — хрипло выдавила Шюса, медленно поднимаясь на ноги. Она старалась не смотреть Нотану в глаза. — В нем нет скверны. Нет порчи. Он человек, Герес.

Герес медленно опустил топор, шумно выдохнув. Напряжение в хижине немного спало.

— Я же говорила! — с облегчением выдохнула Ашада, и на ее губах снова расцвела та самая улыбка, от которой сердце Нотана замерло. Она повернулась к колдунье.

— Шюса, его плечо. Тварь порвала мышцы. Ты сможешь его залатать?

Колдунья молча кивнула. Она подошла к столу, стараясь держаться от Нотана на расстоянии вытянутой руки. Смешала в ступке какую-то едко пахнущую мазь и бросила Ашаде моток суровых ниток и изогнутую костяную иглу.

Девушка без колебаний взяла иглу, придвинулась вплотную к Нотану и принялась ловко обрабатывать страшную рану на его плече. Ее руки были нежными, но уверенными. Боль от иглы казалась Нотану ничтожной по сравнению с тем чувством, которое он испытывал, просто находясь так близко к ней.

Шюса забилась в самый темный угол хижины. Она делала вид, что перебирает рассыпанные травы, но Нотан чувствовал на себе ее немигающий, испуганный взгляд. Сильнейшая ведьма пустошей поняла то, чего не понял никто другой.

В поселение пришел не чудом выживший смертный. К ним пришел Бог. И Шюсе оставалось лишь молиться, чтобы его гнев никогда не обрушился на их головы.

— Можешь зайти к нему, — бросила она, выйдя на крыльцо к Гересу. — Но ненадолго. Оставь ему сил на ужин, он слишком слаб.

Герес не заставил себя просить дважды. Он поспешил к зимовью Чартак, где разместили найденного воина. Наклонив голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, он тихо шагнул в полумрак жилища.

На залитом лучами закатного солнца топчане полулежал голубоглазый мужчина. Вблизи его внешность казалась еще более неестественной, и даже огромное количество бинтов и примочек из трав не могли этого скрыть.

Волосы чужака были светлыми-светлыми, точь-в-точь как корни свежесобранной солодки. На запястьях тускло поблескивали тяжелые медные браслеты, испещренные непонятными, ломаными рисунками.

Но больше всего внимание Гереса привлекла грудь мужчины. Кожа вокруг страшного ожога была покрыта татуировкой, от которой веяло первобытным хаосом. Линии переплетались, ломались, налезали друг на друга, словно безумный художник в конце работы сильно

заторопился и скомкал весь сюжет, стянув его черными нитями к единому центру — изображению солнца. Прямо туда, где зияла рана.

Поймав на себе пристальный, осмысленный взгляд незнакомца, Герес вздрогнул и быстро отвел глаза от татуировки.

— Что, нравится? — хрипло, но с легкой усмешкой спросил мужчина, делая попытку приподняться навстречу вошедшему.

Герес предостерегающе поднял руку, прося его не вставать, и тяжело опустился на табурет рядом с больным.

— Герес.

— Нотан.

Их беседа закончилась далеко за полночь. Ночь упала на лагерь тяжелой лохматой шубой, скрыв истерзанный лес, и всё утонуло в сухой, беззвучной темноте. Лишь Герес в одиночестве сидел возле тлеющего очага, глядя на пляшущие искры, и отчаянно пытался уложить в голове ответы, которые сегодня получил. Ответы, которые могли изменить жизнь их лагеря навсегда.

Глава 3 Живая влага и мертвая земля

С момента появления Нотана в лагере прошло несколько недель, и за это время лето в Сибири окончательно вступило в свои безжалостные права. Воздух раскалился настолько, что и людям, и редким животным приходилось дышать вполсилы. Глубокий вдох обжигал внутренности, оставляя во рту привкус горячей пыли.

Воздух, казалось, испарился, поднявшись высоко навстречу безжалостному солнцу, которое каждое утро тяжело выныривало из кровавого зари.

Все больше становилось участков земли, покрытых страшными песчаными морщинами. Лес вокруг умирал, с тихим треском сбрасывая сухую хвою, забирая у поселенцев последнюю надежду на выживание.

Но однажды июльским вечером, когда солнце наконец сбросило с себя багровый наряд и скрылось за горизонтом, вдруг неожиданно потянуло спасительной прохладой.

— Неужели дожили? — Шюса облегченно вздохнула, выйдя на крыльцо, и подставила лицо влажному ветру.

Первые редкие капли испарились, даже не долетая до раскаленной земли. Но вскоре дождь усилился. Он впивался в кожу холодными, тонкими иглами, однако никто из жителей лагеря и не думал укрываться в избах. Даже ребятишки, нахолодившиеся под ледяными струями, как зимние воробьи, с благоговением принимали этот дар богов. После катастрофы вода в любом виде была самым ценным сокровищем.

Каждая пора израненной, сухой человеческой кожи, каждый волос тянулись навстречу влаге, жадно впитывая ее без остатка. На глазах Гереса губы женщин приобретали цвет, становились полнокровными, живыми, в потускневших глазах появлялся лихорадочный блеск. Жизнь возвращалась в измученные жаждой тела.

Но каждый понимал: этой воды, даже если собрать её в каждую уцелевшую плошку и рачительно распределять, хватит от силы на пару недель.

Через день, когда уставший Герес закончил проверять желоба для сбора дождевой воды, к нему подошла Шюса. Ее раскосые зеленые глаза смотрели непривычно серьезно.

— Недалеко есть вода. Под землей. Я ее чувствую.

— Ты можешь найти ее?! — Герес вскочил, забыв об усталости, и крепко обнял жену.

— Одна — нет, — она мягко отстранилась. — Нужна помощь всех одаренных женщин лагеря.

С негласного согласия лидера в поселении началась подготовка к ритуалу.

Герес помнил, что когда-то этот край был усыпан родничками и бурлящими газированными источниками, обладавшими целебной силой. К ним шли и люди, и звери.

Сейчас же Сибиря стремительно превращалась в мертвую пустошь. За несколько лет исчезли почти все лиственные деревья, рассыпались прахом кустарники, ушли в небытие цветы. Животные гибли от голода, и это усложняло и без того отчаянное положение лагеря.

Уже несколько дней над опушкой кружили сороки, с тревожным стрекотанием расчерчивая выцветшее небо своими расплывчатыми силуэтами. Эти птицы всегда тонко чувствовали колдовство. Только по их поведению Герес и понимал, что подготовка идет полным ходом.

По вечерам со стороны дома шаманки Чартак, где уединились ведуньи, доносились глухие звуки камлания. Герес видел, как старшие женщины отправляли молодежь к Черной скале на поиски каких-то особых высохших улиток.

Через сетку тонких сосновых веток он с волнением наблюдал за жилищем шаманки. Ему до смерти хотелось понять, что именно они делают, но Шюса строго-настрого запретила мужчинам приближаться.

В лагере стояла суета. Со стороны кострищ, где заправлял Немес, аппетитно потянуло жареным мясом. Каким-то чудом эти маленькие рябчики умудрялись выживать в умирающем лесу. Они и редкие зайцы, которых молодежь ловила самодельными силками, не давали поселенцам умереть от голода. А дети, по совету стариков, выкапывали хитрые ямки-ловушки, из которых птицы уже не могли выбраться.

Неожиданно тишину вечера разорвал лязгающий звук бронзового гонга.

Обычно на собрания народ сходилась неспешно, доделывая свои дела, но сегодня все бежали к центру лагеря чуть ли не бегом, неся на руках маленьких детей. На главной поляне уже был начерчен глубокий священный круг. Вокруг него в абсолютном молчании застыли двадцать одна ведунья.

С северной стороны круга расположилась божница. Возле старого, искореженного обрядового дерева стояли Чартак и Шюса. У их ног лежал пойманный серый заяц — плата духам земли.

Шюса медленно подняла руки. Над поляной повисла такая звенящая тишина, что Гересу показалось, будто он слышит стук собственного сердца.

И тут, словно из-под самой земли, раздался глухой, бархатный удар в бубен Чартак.

Описать этот звук было невозможно. Низкие вибрации мгновенно достигли грудной клетки, заставляя сердце биться в новом, навязанном ритме. Тональность постоянно менялась. Герес почувствовал, как реальность вокруг начала расплываться — люди впадали в глубокий транс. Казалось, это бьется огромное, измученное сердце самой матери-земли.

Ведуньи медленно двинулись по кругу, перетекая с юга на восток, затем на запад. Темп их шагов нарастал, вращение становилось всё стремительнее. Герес чувствовал, как чужая сила резонирует в его голове. Издалека, сквозь пелену, до него доносилось гортанное пение женщин, но вскоре всё слилось в единое гудящее пятно. Он потерял счет времени.

Когда зрение сфокусировалось, он увидел Шюсу. Она стояла в самом центре круга, высоко подняв над головой глиняную чашу с водой, сбереженной после дождя. Ее голос, многократно усиленный эхом, разорвал ночной воздух:

— Призываем священную влагу! Приблизься к поверхности! Да проснется родник и даст начало новой жизни!

Воздух внутри круга мгновенно стал тяжелым, спертым. В нос ударил невыносимый, гнилостный смрад, и костер в центре поляны разом потух, словно его накрыли невидимым саваном.

Среди людей пронесся ропот. На лицах читалось изумление, граничащее с паникой, и горькое разочарование. Неужели Земля отвергла их?

Но Шюса, опустив чашу, осталась абсолютно спокойна.

— Утро всё покажет, — ровным голосом произнесла она во тьму.

Всю ночь над лагерем неистовствовал страшный ветер. Он метался над крышами изб, словно невидимые силы рвали друг друга на части. Казалось, нет в мире мощи, способной его унять.

Герес впал в тревожное забытие лишь на рассвете. Но почти сразу его разбудили многоголосые, сбивчивые крики.

— Вода! Она бежит! Вода!

Выскочив из избы, Герес на одном дыхании домчался до места вчерашнего ритуала. Он растолкал толпу и замер. В груди всё оборвалось от разочарования. Из-под треснувшего валуна действительно текла вода, но это была нерасторопная, мутная, зловонная жижа.

— И это всё? — вырвалось у него. Во рту стало горько от обиды и рухнувших надежд.

— Пока да, — ответила подошедшая Чартак. Старая шаманка опиралась на посох и выглядела страшно уставшей.

— Теперь всё зависит от нас.

Ее слова прозвучали не как утешение, а как приказ. Разочарование на лицах людей сменилось упрямой решимостью. Поселенцы разобрали лопаты, кирки и с закипевшей надеждой принялись за тяжелую работу, вгрызаясь в сухую землю, чтобы очистить новорожденный источник.

К вечеру углубление было готово. Оставалось только ждать.

Глава 4. Песня чистой воды

Нотан проснулся с редким, почти забытым ощущением полного умиротворения и стойким предчувствием чего-то хорошего.

Он лежал на топчане, глядя, как пылинки танцуют в косом луче утреннего солнца, пробившемся сквозь щель в ставнях. Прошло уже три месяца с того дня, как он открыл глаза в этом пыльном, ржавом мире, не помня о себе ничего, кроме имени. Местные приняли его спокойно, без открытой враждебности, но первое время присматривались настороженно, обращаясь только по делу. Чужак был загадкой.

Однако вскоре они поняли главное: найденный мужчина оказался феноменально опытным охотником и следопытом. Он двигался по иссушенному лесу бесшумно, как тень, безошибочно читал следы на твердой, как камень, земле и метал самодельные копья с пугающей точностью. Откуда в нем были эти навыки, Нотан не знал. Тело просто помнило то, что забыл разум.

Благодаря Нотану количество добытой дичи в лагере заметно увеличилось. Жить стало чуть сытнее и спокойнее. Мужчины, включая сурового Гереса, признали: сердце этого блондина добротой закалено тайгой.

Нотан сел и потер грудь. Страшный ожог в центре запутанной татуировки затянулся грубым рубцом, но больше не болел.

Он знал, кого должен за это благодарить. С Ашадой у него завязывались непонятные, робкие, но невероятно трогательные отношения. Важнее нее для него сейчас не было никого на этой скукожившейся от засухи земле.

Руки этой хрупкой девочки сорок долгих ночей порхали над его ранами, меняя повязки из трав, которые готовила Шюса.

А её голос... Её тихий голос был тем единственным лучиком света, за который он цеплялся, когда в горячечном бреде блуждал по холодным пустошам между Нижним и Средним мирами, спасаясь от безликих теней прошлого.

Нотан вышел на крыльцо и сладко потянулся. Он поднял голову, посмотрев на солнце, которое щедро купалось в бесконечной синеве. Бездонное синее небо всегда притягивало его взгляд, вызывая в душе странную, щемящую тоску по чему-то навсегда утраченному.

Вдруг его мысли прервал звук. Нотан замер. Он поймал себя на мысли, что слышит нечто совершенно новое, абсолютно не свойственное сухому быту лагеря. Звук был ритмичным, горланным и доносился со стороны оврага, где находился источник. Нотан прислушался, склонив голову, и внезапная догадка заставила его удивленно поднять брови.

— Лягушки? — прошептал он в пустоту. — Откуда в этой суши взяться лягушкам?

Но звук становился всё громче и отчетливее. Вот уже несколько голосов, перебывая друг друга, затянули свою странную песню. Скромное, прерывистое кваканье одной амфибии стремительно перерастало в стихийный, оглушительный концерт.

К оврагу уже бежали люди. Нотан быстрым шагом направился следом.

То, что он увидел, заставило бы улыбнуться даже самого сурового обитателя Пустошей. Зловонная жижа, которая долгие три месяца медленно, по капле сочилась из-под камня, преобразилась. Углубление, заботливо выкопанное и выложенное гладкими камнями жителями лагеря, теперь было заполнено водой. И не просто водой — она больше не воняла тиной и серой.

А на нагретых солнцем камнях сидели виновники переполоха. Зеленовато-бурые, блестящие от влаги лягушки посиживали вокруг лужицы, раздували горловые мешки и истошно, самозабвенно орали. Их концерт то и дело сдабривался радостными, удивленными криками

сбежавшихся местных детей, которые показывали на земноводных пальцами, боясь подойти ближе, чтобы не спугнуть чудо.

Герес стоял на краю оврага, не веря своим глазам. Рядом с ним опиралась на посох старая Чартак. Заметив подошедшего Нотана, шаманка хитро прищурилась.

Недавно, в одной из редких бесед, Чартак шепнула Нотану странную вещь. Она сказала, что тогда, в процессе тяжелого камлания на воду, духи показали ей видение: Нотан и Ашада купались в чистой, огромной воде, которой не было конца и края. С той поры старая шаманка была непоколебимо уверена — Нотан послан им сверху, и с водой ситуация обязательно разрешится в их пользу. Тогда Нотан лишь грустно улыбнулся, не придав этому значения. Но сейчас, глядя на источник, он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

К источнику, шаркая ногами, спустились самые старые жители лагеря. Один из стариков, Чекур, опустился на колени, дрожащими руками зачерпнул воду и понюхал. Затем он поднял на Гереса глаза, полные слез.

— Вода очищается, Герес, — прошамкал старик, и его голос сорвался от волнения. — Она живая. Лягушки... эти твари могут жить только в чистом источнике. В мертвой или ядовитой воде они не плодятся.

Толпа выживших ахнула. Простая фраза, сказанная стариком, пронеслась над поляной, впитываясь в души измученных людей, словно тот самый первый июньский дождь. В ней было столько надежды на жизнь, что многие женщины закрыли лица руками, беззвучно плача от счастья.

Нотан посмотрел в толпе и нашел взглядом Ашаду. Девушка смотрела на него, и в её глазах отражалось голубое небо.

Глава 5 Зубы в перьях

Подвесив над закопченным костром тяжелый котел с водой, Немес тяжело опустился на чурбак и, кряхтя, раскурил старую трубку.

Осень в этом году выдалась на удивление мягкой. День уже разгулялся, и теплый, почти ласковый ветер небрежно играл с высохшими осенними травами, со свистом срывая пожухлую, ржавую одежду с редких уцелевших лиственниц.

— Тепло, благодать... Но на душе отчего-то очень беспокойно, — пробормотал Немес. За годы одиночества у очага он привык разговаривать вслух сам с собой.

До Великого Взрыва он был Охотником. Именно так, с большой буквы. Удадь, меткий глаз и бесстрашие были его вторым именем среди соплеменников. Он знал тайгу как свои пять пальцев. Но катастрофа забрала всё. После полученных травм и вдыхания ядовитого пара его легкие ссохлись, мучила постоянная одышка, руки предательски тряслись, а искореженные ноги не позволяли уйти от лагеря дальше, чем на сотню шагов.

О, как же яростно он жаждал сделать это в тот первый, самый страшный год! Хотелось просто уползти подальше в чащу, зарыться в прелый мох и тихо сдохнуть там, как дикий, смертельно раненый зверь, не обременяя никого своим жалким видом.

Но Шюса и другие ведуньи решили иначе. Настойчиво, неторопливо, отпаивая его горькими отварами и окуривая травами, они вытащили его с того света, заставив жить дальше. И он жил, взяв на себя то небольшое, что еще мог делать — кормить людей.

В котле забулькала вода. Немес вытряхнул трубку и привычным движением забросил в кипяток тонкие пластики вяленого мяса, горсть сухих веточек смородины и немного терпкого зеленого мха для навара.

— Вот бы грибов сейчас... — мечтательно причмокнул старый охотник, втягивая носом аромат похлебки.

Но «губастые кормильцы», как он их называл, так и не вернулись в Сиберию после катастрофы. Земля стала слишком сухой и мертвой, чтобы родить грибы.

Рядом, в овраге, звонко пел ручеек. Тот самый, что пробился благодаря ведуньям и странному чужаку Нотану. Вода весело журчала по камням, словно подзывая к себе. Немес, спохватившись, взял деревянное ведро и похромал за следующей порцией — теперь уже для чая, который он искусно варил из березовой чаги.

После появления чистого источника проблем с пропитанием в поселении, казалось бы, поубавилось. Вода притягивала жизнь. Мелкие птички и зайцы теперь сами часто навещали ручеек, и у Нотана с молодежью уходило гораздо меньше сил и времени на их добычу. Жизнь налаживалась.

Но было кое-что, о чем Немес не рассказывал никому. Даже Гересу.

Все эти долгие шесть лет жизни в лагере именно он, вместе с подростками, ощипывал, потрошил и разделывал принесенную дичь. За эти годы птички попадались всякие: толстые и пухлые, тощие до костей, больные, со старыми ранами от когтей хищников. Это никого не удивляло — выживать тяжело всем.

Но полгода назад, вскоре после того, как источник забил в полную силу и мир вокруг начал едва заметно зеленеть, в их силки стали попадаться совершенно иные, ранее не известные Немесу экземпляры.

Внешне они почти не отличались от обычных рябчиков. Те же пестрые перья, те же цепкие лапки. Но у них была одна жуткая особенность, от которой у старого охотника по спине полз липкий холодок.

Когда Немес впервые случайно раскрыл клюв такой птице, он отшатнулся и выронил тушку в грязь. Внутри крошечного птичьего ротика скрывались огромные, острые, загнутые

внутри игловидные зубы. В несколько рядов, как у хищной речной щуки. Это были зубы существа, созданного не для того, чтобы клевать зерна или мошек, а чтобы рвать живую плоть.

Но зубы были лишь половиной беды. То, что Немес начал регулярно находить в их крошечных желудках при потрошении, наводило на совсем уж мрачные размышления.

Оглянувшись и убедившись, что у костра никого нет, Немес достал из-под фартука тряпичный узелок. Он развязал тесемки непослушными пальцами. На грязной ткани лежала горстка того, что он тайком извлекал из внутренностей зубастых птиц за последние месяцы.

Это были не камушки, которые птицы глотают для переваривания пищи. И не остатки ягод. На тряпице тускло поблескивали крошечные, острые осколки костей, явно принадлежавшие более крупным животным. И, что пугало больше всего, среди них попадались мелкие, оплавленные кусочки странного синеватого металла — точно такого же цвета, как бездонное небо над их головами.

Немес тяжело вздохнул, завязал узелок и спрятал его обратно. Тайга менялась. И старый охотник понимал, что эти птички перестали быть добычей.

Глава 6. Мутации

Герес сидел у очага, задумчиво наблюдая за Шюсой, которая тихо хлопотала по дому, перебирая пучки сушеных трав. За эти годы она неуловимо изменилась. Ушла былая угловатость, фигура округлилась, стала более мягкой, женственной. Её раскосые изумрудные глаза, когда-то метавшие молнии, теперь смотрели на Гереса с глубокой, спокойной теплотой и заботой.

Он знал, о чем она молчит вечерами. Шюса страстно мечтала о ребенке. Но пока небеса оставались глухи к их мольбам. Сказывалось всё: и скудное, однообразное питание, и отравленный воздух прошлых лет, и та колоссальная нагрузка, которую Шюса взвалила на себя, поддерживая порядок и здоровье в женской части поселения. Жизнь упорно не желала зарождаться в их доме.

Подходил к окончанию седьмой год с момента Великого Взрыва. Сейчас в лагере проживало пятьдесят два человека. За эти годы стихийный лагерь превратился в настоящее поселение. Благодаря Шюсе и её ведуньям люди научились справляться с тяжелыми болезнями, отступила лихорадка пустошей. Сыграли несколько скромных свадеб, образовались молодые семьи, зазвучал детский смех. Вода из очистившегося родника дала им надежду. Казалось бы, всё наконец-то успокоилось...

Но пустошь не терпела покоя. Вскоре после того, как ожил источник, пришла новая беда. Опасения старого Немеса сбылись в самой жуткой форме — появились ниломеры.

Поначалу эти существа казались просто злым недоразумением. Местные ребятишки первыми придумали хлесткое название «ниломер» для этих мелких, похожих на рябчиков птишек, чьи клювы скрывали несколько рядов загнутых внутрь, как у акулы, зубов.

В первый год твари лишь раздражали: они больно кусали мелких домашних животных, пытавшихся подойти к воде, и противно, пронзительно пищали по ночам под окнами, скребясь коготками о бревна.

Но время шло, и мутация, запущенная катастрофой, брала свое. Постепенно их размер увеличивался. Птицы, когда-то умещавшиеся в ладонях Немеса, разрослись до размеров крупного ворона. И урон от них стал катастрофическим. Стаи ниломеров уничтожали и без того чахлые, с трудом выращенные посевы. А затем они распробовали вкус человеческой крови.

Мужики работали на износ, от зари до зари, но их было слишком мало. Они физически не успевали сподобить всем крепкие, просмоленные избы, способные выдержать осаду. В старых зимовьях рассыхались бревна, выкрашивался мох из пазов, и мелкие, гибкие, кровожадные твари находили лазейки внутрь.

За последние полгода ниломеры не только выросли, но и стали пугающе умными. Звериный голод заставлял их действовать сообща. Пришлось срочно обучать лагерных собак реагировать на их специфический, шелестящий звук крыльев, чтобы дети успевали бросить игры и спрятаться в укрытия.

К осени твари обнаглели окончательно. Они научились выжидать, когда взрослые уходят на работы или за водой, и проникали в жилища, где оставались одни ребятишки. И в поселение пришло страшное горе.

Собаки не справлялись. Их было слишком мало для такой территории. К тому же, после Взрыва климат изменился: ночи стали приносить аномальные, лютые морозы, пробиравшие до костей. Оставлять псов патрулировать лагерь в ночную стужу означало обречь их на смерть от переохлаждения, поэтому с наступлением темноты люди оставались без защиты хвостатых стражей.

Старый верный пес Колобо, вожак лагерной стаи, совсем измучился. Белый от рождения, когда-то пухлый и похожий на мучной ком — за что и получил щенком свою забавную кличку, — теперь он стал полностью седым, поджарым и покрытым шрамами.

Колобо тонко чувствовал боль и постоянную тревогу своего хозяина, Гереса, и старался помогать, как мог. Под его жестким началом псы по многу раз за день обходили периметр поселения. Они замирали, втягивая носами сухой осенний воздух, пряли ушами, прислушиваясь к звукам леса, и часто успевали с яростным лаем примчаться на место, куда пикировали ниломеры.

Но они успевали не всегда. Чаще всего жертвами зубастых тварей становились самые маленькие, те, кто в панике спотыкался или не понимал, куда нужно бежать. Когда случалось непоправимое, Колобо подходил к крыльцу осиротевшего дома, ложился на холодную землю, клал тяжелую седую голову на лапы и тихо, по-человечьи скулил, разделяя скорбь вместе со всем лагерем.

Герес тяжело вздохнул и подошел к окну. Шюса обняла его со спины, прижавшись щекой к его плечу. Мужчина долго смотрел вдаль. В дне тяжелого пути от поселения, за полосой мертвого леса, в серое небо вонзался огромный, исполинский утес. Голый, черный, не покрытый даже чахлой травой, он был виден издалека, словно гнилой зуб на челюсти земли.

Герес наблюдал за ним уже несколько недель. Каждый вечер, в часы багрового заката, именно оттуда, из расщелин мертвого камня, в небо поднимались черные, пульсирующие тучи. Это были стаи прожорливых ниломеров, отправляющихся на ночную охоту. И с каждым днем эти тучи становились всё гуще и чернее.

Герес сжал кулаки так, что побелели костяшки. Зимовья, которые семь лет верой и правдой служили им убежищем, не выдержат массивной атаки голодной стаи. Защиты больше не было.

А впереди была долгая, страшная зима.

Глава 7. Пробуждение камня

Ашада приходила в себя после долгой и тяжелой охоты. Откинувшись спиной на ствол старой березы, она заворуженно наблюдала за тем, как солнце опускается за острые зубья холмов огромным, стылым красным шаром. Тайга медленно надевала на себя серую дрему, пряча в сумерках зеленое марево выживших сосен.

Осень стремительно шла на убыль. Накануне выпал первый колкий снег, припорошив раны земли. Вокруг всё словно уснуло, замерло в ожидании суровой зимы. Только возрожденный родник в овраге еще тяжело, с присвистом вздыхал среди гладких камней, которыми его заботливо обложили жители поселения. Да иногда из глубины чащи доносился протяжный стон падающего дерева — очередной сосны, которая не справилась с многолетней сухостью и сдалась под напором ветра.

Девушка прикрыла глаза, но мысли всё равно, упорно возвращались к Нотану. К мужчине, которого она сама нашла израненным в пыли полгода назад.

Этот голубоглазый, невероятно крепкий чужак вызывал в ее душе такую бурю эмоций, с которой она не могла справиться. Ашада не решалась показать свои чувства, пряча их глубоко внутри, под маской сосредоточенности.

Дочь лидера тайком наблюдала за ним каждый день. В каждом движении Нотана сквозила природная, почти пугающая изысканная красота и абсолютная независимость. В нем текла кровь неведомого ей народа. Цвет его пронзительных глаз, светлая кожа, несвойственная жителям пустошей, и мягкие, бесшумные повадки крупной лесной кошки кричали о том, что он родился и вырос в совершенно ином, лучшем мире. Как-то раз, набравшись смелости, Ашада спросила его о корнях. Нотан лишь усмехнулся краешком губ и ответил, что не помнит ничего, но судя по тому, как его слушается лес, его род точно идет от медведя. Больше эту тему он не поддерживал, сразу замыкаясь в себе.

Ашаде до боли в сжатых кулаках хотелось подойти, прижаться щекой к его груди, обнять эти постоянно напряженные, широкие плечи. Его запах — смесь морозного ветра, смолы и чего-то неуловимо-чистого, — его тяжелый, осмысленный взгляд волновали её до дрожи. На охоте они часто оставались вдвоем, но она боялась даже поднять на него глаза, суетливо отвлекаясь на плетение силков для зайцев или проверку стрел.

Нотан же всегда оставался абсолютно спокоен, деловит и холоден. Ашаде казалось, что в этом мужчине до поры дремлют две могучие силы: одна толкала его на невероятно смелые, безрассудные поступки во время схваток с мутировавшим зверьем, а другая заставляла быть предельно осмотрительным и скрытным в лагере.

Девушка видела перед собой неприступную каменную глыбу, замершую в глубокой зимней спячке. Твердый, оценивающий взгляд охотника творил с её телом доселе неизведанное. Она буквально теряла дыхание, предательский спазм сжимал горло, стоило ей оказаться с ним плечом к плечу. Желание быть с Нотаном завораживало её, как предвкушение смертельной опасности.

Но сегодня днем в лесу произошло нечто, что заставило этот камень дать трещину. Нечто, позволившее Ашаде робко понадеяться на взаимность.

Они брели через перевал. К зиме живности становилось всё меньше, и охотникам приходилось заходить в тайгу так глубоко, как никогда раньше. Цепочки путаных заячьих следов уводили их крошечный отряд в самую глухомань.

Ашада первой спустилась в узкую падь, по дну которой змеился свежий след. Она шла тихо, держа наготове арбалет. Вдруг совсем рядом, прямо над ухом, раздался оглушительный треск ломаемых веток! Из-под густого заснеженного куста прямо Ашаде в ноги вывалился огромный темный зверь.

В мире, где по ночам летали зубастые ниломеры, любой внезапный звук означал смерть. — А-а-а-а! — девушка с истошным криком отшатнулась, вслепую прыгнув к ближайшему дереву, даже не разбирая дороги сквозь колючие ветви.

Ее нога скользнула по обледенелому корню. Ашада упала, больно ударившись затылком о ствол. Она скорчилась, рефлекторно закрыв лицо руками в ожидании клыков и когтей, почувствовала острую вспышку боли и на мгновение провалилась в темноту.

Из небытия её вытащило ощущение абсолютной безопасности. С закрытыми глазами она почувствовала, как кто-то сильный и очень бережный поднял её с мерзлой земли. Грубые ладони торопливо, но нежно смахнули снег с её волос и одежды, а затем крепко, до хруста в ребрах, прижали к себе. Ашада распахнула глаза и поняла, что находится в объятиях Нотана.

Его лицо было в дюйме от её лица. В голубых глазах, обычно таких холодных, плескался неподдельный, первобытный испуг за неё. Он что-то быстро и успокаивающе шептал, прижимаясь губами к её виску, но из-за шума крови в ушах она почти ничего не слышала. Девушка просто замерла, с наслаждением окунувшись в это запретное, такое желанное ощущение его силы и тепла.

Заметив, что она пришла в себя и смотрит на него широко открытыми глазами, Нотан выдохнул. Его лицо дрогнуло, губы растянулись в невероятно теплой, обезоруживающей улыбке.

— Глупенькая моя, — бархатно прошептал он, заботливо и пристально вглядываясь в её глаза. — Это просто крупный заяц. Он испугался не меньше твоего.

Он аккуратно, словно величайшую драгоценность, поставил Ашаду на землю, убедившись, что она твердо стоит на ногах. Через минуту всё вернулось на круги своя. Нотан снова подобрал копые, его лицо приобрело привычное выражение деловитой сосредоточенности, как будто и не было этого короткого, обжигающего мгновения нечаянной близости между ними.

Но Ашада, вспоминая сейчас этот момент, сидя под вечерней березой, не могла сдержать счастливой улыбки. Камень проснулся. И она чувствовала, что это только начало.

Глава 8. Синее пламя и мертвый горизонт

Ранним утром, когда морозный воздух еще обжигал легкие, отряд из пятерых охотников под руководством Нотана выдвинулся в лес. Двигаться приходилось быстро, пока снег не покрылся предательским настом. С каждой новой вылазкой дичи становилось все меньше, и людям приходилось уходить всё глубже в тайгу, ориентируясь на редкие направления звериных следов.

Вот только в этот раз Немес, провожавший их у ворот лагеря, не сдержался и своим поганым языком брякнул вслед:

— Без мяса не возвращайтесь!

Охотники суеверно сплюнули. В пустошах каждый знал: пожелать удачи вслух — верная примета вернуться с пустыми руками, а то и вовсе не вернуться.

Но в начале пути ничего не предвещало беды. Отряд благополучно пересек уже изученную ими падь и вошел в густой лес у старой, корявой лиственницы. Едва заметная цепочка заячьих следов вела к скалистому отрогу, который резко обрывался вниз. Девушки, среди которых была Ашада, принялись расплетать уже попорченные и замерзшие петли, а мужчины следом ставили новые.

Сердце Нотана пропустило удар, когда тишину леса разорвал истошный, захлебывающийся крик Ашады.

Как он преодолел расстояние в полсотни шагов и оказался возле неё, охотник так и не вспомнил. Но то, что он увидел, заставило его действовать молниеносно, на голых инстинктах.

Девушка лежала на снегу, забившись под вывороченные корни дерева. Её ноги и талию плотно оплел шевелящийся клубок немыслимо огромных, толстых змей с грязно-бурой чешуей. Таких тварей сроду не водилось в этих северных краях. Ашада, скорчившись, уже не кричала. Она не реагировала на укусы, ее глаза закатились.

Не помня себя от первобытного ужаса, не понимая, как и почему он это делает, Нотан вскинул руки. Воздух между его ладонями сгустился, затрещал, и в следующую секунду ослепительной звездой вспыхнул ревущий голубой огонь. Пламя сорвалось с его рук и ударило в змеиный клубок.

Твари даже не успели зашипеть — упругий пучок мгновенно рассыпался серым пеплом, не оставив на одежде Ашады ни единого подпалины.

Нотан рухнул на колени и подхватил девушку на руки. С леденящим душу ужасом он понял: она не дышит. Змеиный яд или болевой шок остановили её сердце.

— Нет! Это невозможно! Я не позволю! Ну же, девочка моя! — в отчаянии зарычал он.

Где-то в глубине его сознания отчаяние сорвало древнюю печать. С кончиков пальцев Нотана, прямо сквозь толстую куртку Ашады, сорвались тонкие, ветвящиеся молнии чистого синего света. Они ударили прямиком в остановившееся сердце. Раз, другой...

Грудь Ашады судорожно выгнулась. Она судорожно, со свистом втянула морозный воздух и закашлялась. Открыв глаза, она встретила с безумным взглядом охотника, увидела тлеющий пепел вокруг них и, ничего не понимая, доверчиво прильнула к его груди.

К ним уже бежали остальные охотники, хрустя снегом. Нотан, тяжело дыша, спрятал искрящиеся руки за спину и не нашел ничего умнее, чем громко сказать спасительную фразу:

— Глупенькая моя... Это просто заяц. Опять заяц выскочил.

Ашада непонимающе моргнула, но, перехватив его умоляющий взгляд, промолчала. Нотан наплел подоспевшим охотникам байку про огромного русака, напугавшего девушку до обморока, и оставил Ашаду, которая всё еще дрожала, на попечение посмеивающихся товарищей.

А сам, сжимая в руке копьё, быстро спустился в ложбину, откуда приползли твари.

Перевалив пригорок, он оказался на поляне и почти сразу нашел глубокий раскол в земле, надежно спрятанный под первым снегом. Раскол тянулся через всю низину к подножью каменного отрога. На краю стояли три исполинские березы, а под их переплетенными корнями темным, смрадным зевом раскрывалось углубление. От него во все стороны змеились свежие борозды на снегу.

Заглянув туда, Нотан почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Вся пещера была усеяна копошащимися скользкими телами и кладками. Преодолевая брезгливость, он сунул руку в крайнюю кладку, бросил в мешок несколько теплых яиц и отступил.

— В лагерь, срочно. Герес должен это увидеть, — билась в голове единственная мысль.

Второпях, срезая путь, он наткнулся на сгоревший пенёк, обрубленный так высоко, что в сумерках он напоминал человека в черных одеждах. Остатки обгоревших ветвей были сложены на груди, словно руки в безмолвной мольбе. Этот жуткий страж заставил Нотана остановиться.

Воздух вокруг казался густым и отравленным. Нотан закрыл глаза, глубоко вздохнул и... разрешил себе видеть так, как не может видеть ни один человек.

Когда он разомкнул веки, его зрачки сияли сапфировым светом. Лес стал прозрачным, горизонт приблизился, распадаясь на энергетические линии. Его взор метнулся за многие мили отсюда, за Великий Утес. То, что он там увидел, заставило его сердце сжаться в тугой комок. Он побежал обратно так быстро, как только мог.

После сбивчивого рассказа Нотана, Герес действовал быстро и жестко. Было принято решение немедленно собрать самых проверенных мужчин на сход, но сделать это нужно было тайне, чтобы не посеять панику среди женщин и детей.

Они собрались глубокой ночью в отдаленном зимовье Немеса под видом камлания и распития чаги. В жилище стоял густой полумрак. Костер был притушен так, что мерцали только вишневые угли, а дым из трубы почти не шел. Лишь изломы морозного воздуха над крышей выдавали, что внутри есть жизнь.

Убедившись, что тяжелая дверь заперта на засов, а у стен нет лишних ушей, Герес вышел в центр помещения и достал из-под тулупа мешок, пропитанный темной, дурно пахнущей жижей. Он развязал тесемки, и на земляной пол с глухим стуком вывалились три огромных, кожистых яйца грязного цвета.

Шестеро мужчин замерли у обессиленного костра. Они сидели абсолютно неподвижно, боясь даже дышать, и с ледяным ужасом смотрели на то, как от тепла помещения кожистая скорлупа начала пульсировать и рваться. Из яиц, шипя и извиваясь, навстречу им выгрызались слепые, но уже зубастые змееныши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.